в заговоре и одобрил уничтожение такого ценного памятника? Как видим, признание Задонщины источником Слова вызывает такое количество недоуменных вопросов, которое превышает число „темных мест“ Слова...

Возникает и еще один не менее загадочный вопрос, уже касающийся источников Софонии рязанца — автора Задонщины. Его повесть в части, совпадающей или близкой к Слову, радикально отличается от господствовавшего в его время типа исторического повествования. Когда мы признаем внутренне обоснованное использование им поэтической схемы Слова о полку Игореве, — его своеобразный стиль не вызывает недоумения. Но если, по Мазону, дело обстоит как раз наоборот, — т. е. Задонщина послужила источником для Слова, — тогда становится непонятным, как возник стиль Задонщины. К ряду ее эпизодов параллели дает только Слово или памятники литературы Киевского периода. Следовательно, надо допустить, что Софония подобрал ряд памятников XI—XII вв., а часть поэтических оборотов создал в их духе. Он выбирал отдельные выражения из многих памятников по непонятному нам для XV в. принципу. Так искусственно представляется метод работы Софонии, если стать на точку зрения А. Мазона. И как просто и естественно рисуется этот метод, когда мы следим за отражением в художественном сознании книжника XV в. поэтической манеры автора XII в.

Для А. Мазона Задонщина и Слово сближаются темой военного поражения, т. е. внешним сходством батальных сюжетов. На самом деле при описании Куликовской победы использована внутренняя идейная связь этих двух повестей: пропаганда идеи единства Русской земли для борьбы с врагами — в Слове, и результаты такого единства, сказавшиеся при выступлении общерусского войска в 1380 г., изображенные в Задонщине. Но эта идейная сторона обоих трактуемых им памятников А. Мазоном совершенно оставлена без внимания. В итоге — Задонщина потеряла под собой литературную и идейную почву, которую для нее составляло Слово о полку Игореве. Встречая в Слове выражения, не имеющие параллелей в других памятниках, А. Мазон расценивает их как доказательства его подложности; но он даже не ставит вопроса о том, откуда подобные исключительные выражения появились в Задонщине. В ней для него все ясно, понятно. Между тем, очевидно, что параллели к памятнику конца XII в. скорее могли не дойти до нашего времени, чем источники повести XV в.

Одно из настойчиво проводимых Мазоном утверждений гласит: Слово отличается от Задонщины своим „языческим“ характером, и это будто бы исключение всех христианских мотивов было произведено автором XVIII в. По Мазону, Игорь Святославич в Слове князь-язычник, в отличие от князя-христианина летописи. В доказательство приводятся такие „языческие“ речи Игоря, заменившие окрашенные религиозными мотивами рассуждения Игоря в летописной повести: „Луцежь бы потяту быти, неже полонену быти“, „Хощу бо, рече, копіе приломити конець поля Половецкаго“, „Хощу главу свою приложити, а любо испити шеломомь